

RAY BRADBURY

LONG AFTER
MIDNIGHT

Panther
© 1980 D.A. F&O. S.

В гринтаунскую школу приехала новая учительница, Энн Тейлор, 24-х лет. Боб Сполдинг влюбился в нее и набрался духу объясниться в любви...

- [Рэй Бредбери](#)

-

-

Рэй Бредбери

История одной любви

Эта история произошла тем летом, когда в гринтаунской школе появилась Энн Тэйлор. Ей тогда было двадцать четыре, а Бобу Сполдингу — всего четырнадцать.

Энн Тэйлор знали все, потому что таким учителям дети готовы хоть каждый день таскать гвоздики и огромные апельсины и без напоминания сворачивать в трубочку шелестящие желто-зеленые карты мира. Казалось, в те дни, когда от дубов и вязов на аллее старого города ложатся зеленые тени, Энн Тэйлор всегда идет вам навстречу и на лице у нее играют солнечные блики, так что невозможно оторвать глаз. Она была, как спелый персик в заснеженную зиму, как холодное молоко в горячей овсянке жарким июньским утром. Энн Тэйлор была желанной противоположностью. И те дни в году, когда погода держится так же стойко, как последний кленовый лист на ветке, даже если на него со всех сторон с одинаковой силой дует ветер, вот такие редкие дни были похожи на Энн Тэйлор и в календаре так и должны были значиться — Дни Энн Тэйлор.

Что до Боба Сполдинга, то октябрьскими вечерами он всегда одиноко бродил по городу, и листья у него под ногами шуршали, словно мыши в Канун Всех Святых; а с весны, бледный, как брюхо рыбы, нерасторопной после подледной жизни, он лежал у терпкой речушки под Лисицыной горкой, поджариваясь на солнце, и к осени лицо его становилось блестящим и гладким, словно каштан. Иногда его голос доносился с верхушки дерева, где шелестит ветер; цепляясь за ветки Боб спускался вниз, на землю, и смотрел на мир, а потом, развалившись на лужайке, до самого вечера читал, и муравьи ползали по его книгам; или играл сам с собою в шахматы на бабушкином крыльце, а то садился за черное пианино, что стояло в эркере у окна, и подбирал какую-нибудь грустную мелодию. И всегда был один.

В то утро мисс Энн Тэйлор вошла в класс через боковую дверь, и дети замерли, когда она красивым круглым почерком вывела на доске свое имя.

— Меня зовут Энн Тэйлор, — спокойно сказала она. — Я — ваша новая учительница.

От ее слов на деревьях запели птицы, и класс наполнился светом, как если бы со школы слетела крыша. Энн Тэйлор начала урок. Через полчаса Боб Сполдинг, сжимавший в руке шарик из жеваной бумаги, медленно разжал руку, и шарик упал на пол.

А после уроков он принес ведро воды и тряпку и взялся тереть парты.

— Что ты делаешь? — она обернулась к нему, оторвавшись от тетрадей по правописанию.

— Что-то парты загрязнились, — ответил Боб, не прекращая работу.

— Ты что, всерьез собираешься их мыть?

— Извините, я не спросил разрешения, — сказал он и неловко запнулся.

— Будем считать, что уже спросил, — улыбаясь ответила она, и от этой улыбки он с молниеносной быстротой перемыл все парты и так яростно принялся стучать друг о друга суконными утюжками для вытирания доски, что в классе пошел снег — так, во всяком случае, казалось с улицы.

— Ты, кажется, Боб Сполдинг? — спросила мисс Тэйлор, пробегая глазами школьный журнал.

— Да, мэм.

— Ну что же, Боб, спасибо.

— А можно я каждый день буду мыть? — спросил он.

— Но ведь есть и другие ученики.

— Не, лучше я сам. Каждый день. Я люблю их мыть.

Он все не уходил. Наконец, она спросила:

— А тебе не пора бежать домой?

— До свидания.

Он медленно направился к выходу и исчез за дверью.

На следующее утро он оказался возле дома мисс Тэйлор как раз, когда она выходила в школу.

— Вот и я, — сказал он.

— А знаешь, я не удивлена, — ответила Энн Тэйлор.

Они пошли вместе.

— Можно я понесу ваши книги?

— Нет, Боб, спасибо, не надо.

— Мне же не трудно, — сказал он и взял их у нее.

Несколько минут они шли молча. Она смотрела поверх его головы и на него, немного сверху вниз, видела, как ему хорошо, как он счастлив, и ждала, что он заговорит, но он так и не проронил ни слова. У школьного двора Боб вернул ей книги.

— Лучше мне оставить вас здесь, — сказал он. — А то ребята могут не так понять.

— Боюсь, я тоже не совсем понимаю, — сказала мисс Тэйлор.

— Почему же? Мы просто друзья, — серьезно и искренне ответил он.

— Знаешь, Боб... — начала она.

— Да, мэм?

— Нет, ничего, — сказала она и пошла прочь.

— Я буду в классе, — крикнул он ей вслед.

И в течение двух недель он всякий раз оставался после уроков, карты сворачивал, вытряхивал мел из суконных утюжков и не спеша мыл парты, а она проверяла тетради; и в классе стояла тишина часов, не смевших пробить четыре, и тишина солнца, скользящего вниз по медленному небосклону, и было разве что слышно, как с губки, вытиравшей доску, стекает вода, да как глухо стучаются друг о друга суконные утюжки, когда из них выбивают мел, да шелест переворачиваемых страниц, да скрип ручки, да гневное жужжание мухи, бьющейся в стекло под самым потолком. Иной раз такая тишина стояла до пяти часов, и только тогда мисс Тэйлор обнаруживала, что Боб сидит за последней партой, смотрит на нее и ждет указаний.

— Ну вот, пора домой, — вставая, говорила она.

— Да, мэм.

И он спешил подать ей пальто и шляпу. И вместо нее закрывал класс, если школьному сторожу уже ничего там не было нужно. Потом они выходили из школы и пересекали пустынный двор; сторож, стоя на стремянке, неторопливо снимал на ночь с перекладины цепочные качели, и закатное солнце просвечивало между листьями американской магнолии. Они говорили о всякой всячине, Энн Тэйлор и Боб.

— Кем ты хочешь стать, когда вырастешь?

— Писателем.

— Вот это мечта! А знаешь, сколько работает писатель?

— Знаю. И все-таки попробую. Я ведь много прочел.

— Боб, а после школы... разве у тебя нет других дел?

— Как это?

— Я хочу сказать, может, тебе лучше бывать на воздухе, чем мыть эти парты?

— Так ведь мне это нравится, — ответил он. — Я никогда не делаю то, что мне не нравится.

— И все же...

— Нет, буду мыть, — отрезал он.

Потом подумал с минутой и сказал:

— Мисс Тэйлор, можно вас спросить?

— Смотря о чем.

— Каждое воскресенье я выхожу из дома — это около Буэтрик-стрит — и иду по речке к озеру Мичиган. Там столько бабочек, речных раков, птиц. Хотите туда пойти?

— Спасибо, — сказала она.

— Значит, идем?

— Боюсь, не получится.

— Знаете, как там хорошо.

— Очень жаль, но я буду занята.

Он хотел спросить, чем, но осекся. Потом сказал:

— Я беру сэндвичи. С ветчиной и солеными огурцами. Еще апельсиновую шипучку и иду неспеша. К полудню прихожу на озеро, а часа в три возвращаюсь домой. И день так приятно проходит. Жаль, что вы не можете. Вы собираете бабочек? У меня большая коллекция. Можно и для вас собрать.

— Спасибо, но теперь я не могу, в другой раз.

Он посмотрел на нее и сказал:

— Не нужно было спрашивать, да?

— Ты можешь спрашивать меня о чем угодно.

Несколько дней спустя она нашла у себя «Большие надежды» в потрепанном переплете. Книга была ей уже не нужна, и она подарила ее Бобу. Он ужасно обрадовался, взял роман домой и всю ночь просидел над ним, чтобы утром поговорить о прочитанном с Энн Тэйлор. Теперь он каждый день встречал ее недалеко от дома, но так, чтобы не заметили другие жильцы, а она много дней подряд собиралась сказать, чтобы он больше не приходил, и уже произносила «Боб», но не могла закончить фразу, и по дороге из школы и в школу он говорил с ней о Диккенсе, Киплинге, По и многих других. Однажды в пятницу утром Энн Тэйлор увидела у себя на столе бабочку и чуть не смахнула ее, как вдруг поняла, что пока ее не было в классе, кто-то сколол бабочку с булавки и положил на стол. Энн Тэйлор скользнула глазами поверх ребячьих макушек и остановила взгляд на Бобе. Но он смотрел в книгу. Не читал, просто смотрел.

После этого Энн Тэйлор уже не могла вызывать Боба к доске. Она заносила карандаш над его именем в журнале, а потом вызывала другого ученика. И больше не глядела на него по дороге из школы и в школу. Но после уроков, когда он высоко поднятой рукой стирал с доски математические знаки, она ловила себя на том, что изредка отрывается от тетрадей и по нескольку секунд задерживает взгляд на нем.

И вот однажды в субботу утром, стоя с закатанными по колено брюками посреди речушки и пытаясь вытащить из-под камня рака, он вдруг поднял глаза и увидел на бровке

ручья Энн Тэйлор.

— Вот и я, — сказала она, смеясь.

— А знаете, я не удивлен. — ответил Боб.

— Покажешь мне своих раков и бабочек?

Они спустились к озеру и сели на песок, их мягко обдувал теплый ветер, трепал ей волосы и оборку на блузе. Они сидели немного поодаль друг от друга, торжественно поедали сэндвичи и запивали их апельсиновой шипучкой.

— Никогда еще не было так хорошо, — сказал он.

— А я никогда не думала, что отправлюсь на такой пикник.

— С каким-то мальчишкой?

— И все же мне очень приятно, — сказала она.

— Вот и отлично.

Потом они долго молчали. Наконец он сказал:

— Нет, что-то не так. Только не понимаю, почему. Мы просто гуляем, ловим раков, бабочек, сэндвичи едим. А ведь мои обсмеяли бы меня с ног до головы, если б узнали. Да и ребята тоже. А учителя? Неужели они не стали бы подшучивать над вами?

— Боюсь, что так.

— Знаете, давайте оставим бабочек в покое.

— Сама не понимаю, что меня сюда привело.

Так закончился день.

Вот, пожалуй, и все, что было между Энн Тэйлор и Бобом Сполдингом: две-три бабочки-данаиды, роман Диккенса, дюжина раков, четыре сэндвича и две бутылки апельсиновой шипучки. А в понедельник произошло нечто неожиданное: он долго стоял возле ее дома, чтобы как всегда вместе отправиться в школу, но так и не дождался. А придя в класс, обнаружил, что она уже там — значит вышла раньше обычного. Перед последним уроком она пожаловалась на головную боль, и ее заменила другая учительница. Весь вечер он бродил вокруг ее дома, но она не показывалась, а позвонить в дверь он не решался.

Во вторник после уроков они снова были вдвоем в тихом классе. Боб умиротворенно тер доску, словно этот день никогда не кончится, а Энн Тэйлор проверяла тетради, словно всегда будет вот так сидеть, и на душе у нее всегда будет покой и счастье. Вдруг на здании суда, находившемся в соседнем квартале, начали бить часы. Невозможно было не содрогнуться — от бронзовых ударов, казалось, пепел ушедших времен проникал в кровь, и человек, оглушенный звоном часов, летел по жизни, чувствуя, что стареет с каждой минутой. Когда пробило пять, мисс Энн Тэйлор внезапно подняла глаза и долго смотрела на часы; потом отложила ручку и сказала:

— Боб...

Он, вздрогнув, обернулся. Ведь за последний час покоя и счастья никто из них не проронил ни слова.

— Подойди сюда.

Он медленно положил губку.

— Сядь, Боб.

Несколько секунд она напряженно смотрела на него, пока он не отвел взгляд.

— Знаешь, о чем мне нужно поговорить с тобой?

— Да.

— Хочешь сам сказать?

— Он помолчал немного, потом произнес:

— О нас.

— Сколько тебе лет, Боб?

— Четырнадцатый.

— Тебе тринадцать.

Он поморщился.

— А знаешь, сколько мне?

— Да, мэм, слышал. Двадцать четыре.

— Двадцать четыре.

— Мне тоже будет двадцать четыре через десять лет, ну, чуть меньше, чем через десять, — выпалил он.

— Но сейчас тебе только тринадцать.

— Это верно, хотя иногда я чувствую себя на все двадцать четыре.

— Да, иногда ты и ведешь себя так, будто тебе двадцать четыре.

— Вот видите.

— А теперь, Боб, наберись терпения и не ерзай, нам нужно о многом поговорить. Сейчас очень важно понять, что происходит.

Он кивнул.

— Допустим, мы с тобой лучшие в мире друзья. Допустим, у меня никогда не было такого ученика, и ты мне нравишься больше всех мальчиков.

Он покраснел.

— Теперь я скажу за тебя, — продолжала она. — Я нравлюсь тебе больше других учителей.

— Не просто нравитесь!

— Возможно и не просто, но существуют вещи, на которые нельзя закрывать глаза. Кроме нас с тобой есть и другие люди. Я долго думала об этом, старалась как-то все взвесить, что ли... Понимаешь, Боб, ты очень добрый мальчик, и твои поступки вызывают уважение, но в жизни все же очень много значит возраст... Кажется, я не совсем ясно выражаю свои мысли?

— Да нет, ясно, — ответил он. — Вы хотите сказать, что я на десять лет младше и на пятнадцать дюймов ниже. Но разве можно судить о человеке по его росту?

— Мир думает иначе.

— Но я не мир, — запротестовал он.

— Да, это нелепо, когда чувствуешь себя взрослым и знаешь, что поступал правильно и тебе нечего стыдиться... А тебе действительно нечего стыдиться, Боб. Запомни это. Ты был честным и искренним, по-моему, я тоже...

— Да, вы тоже, — сказал он.

— Может, когда-нибудь в каком-то идеальном климате о возрасте человека станут судить по зрелости ума, тогда скажут: «Он взрослый мужчина с развитым чувством ответственности и долга, хотя его телу всего тринадцать лет». Но боюсь, до тех пор наш мир, как и прежде, будет судить о людях по возрасту и росту.

— Ерунда какая-то, — сказал он.

— Мне все это тоже не очень по душе, но ведь ты не хочешь, чтобы мы стали гораздо несчастнее, чем теперь? Нам ничем не поможешь, даже сам разговор о нас кажется

странным.

— Да, мэм.

— Но по крайней мере теперь все прояснилось... То, что между нами произошло... это совершенно невозможно, и мы оба слишком хорошо понимаем...

— Как же нам быть?

— Надо что-то придумать, — сказала она. — Сейчас эта история известна только тебе и мне, но о ней могут узнать и другие. Что если я устраюсь в другую школу?

— Нет!

— Или переведу в другую школу тебя?

— Ничего не нужно.

— Но почему?

— Мы переезжаем. На той неделе. В Мадисон. Это всего в пятидесяти милях отсюда. Можно мне будет навещать вас?

— А как ты сам думаешь, нужно ли?

— Думаю, нет.

Некоторое время они молча сидели в тихом классе. Потом он спросил потерянно:

— Что же все-таки случилось?

— Не знаю, — ответила она. — Никто не знает. Я не умею объяснить, даже себе самой. Думаю, и ты не сможешь.

— Кажется, мне пора, — сказал он.

— Я тебя замучила этими разговорами...

— Разве вы можете меня замучить...

— Подожди. Я хочу, чтобы ты знал: в жизни все компенсируется. Всегда. Иначе невозможно было бы жить. Сейчас нам обоим плохо. Значит будет что-то хорошее, и плохое уйдет. Ты веришь мне?

— Хотелось бы...

— Это так...

— Вот если бы...

— Что?

— Если бы вы только подождали меня! — выпалил он.

— Десять лет?

— Тогда мне исполнится двадцать четыре.

— Но мне исполнится тридцать четыре, и, наверняка, я стану совсем другой. Нет. Это невозможно.

— А если бы возможно? Вы бы хотели? — задыхаясь крикнул он.

— Да, — спокойно ответила она. — Хотя я знаю, что ничего не выйдет и глупо надеяться...

Он еще долго сидел с ней. Потом сказал:

— Я никогда вас не забуду.

— Спасибо тебе за такие слова. Ты, конечно, забудешь — так уж жизнь устроена, — но все равно, спасибо.

— Никогда не забуду. Найду средство и не забуду. Никогда!

Она встала, чтобы стереть с доски.

— Я помогу, — бросился он.

— Нет-нет, — поспешно ответила она. — Иди домой и больше не оставайся после

уроков. Я назначу дежурной Хэлен Стивенс.

Он вышел на улицу. Оглянувшись на окно, увидел мисс Энн Тэйлор, в последний раз. Она стояла у доски и медленно стирала написанные мелом слова, вода рукой сверху вниз.

На следующей неделе Боб уехал из города и не возвращался туда шестнадцать лет. Хотя Мадисон находился всего в пятидесяти милях, Боб никогда не показывался в Гринтауне. И вот однажды весной, незадолго до своего тридцатилетия Боб вместе с женой заехал в Гринтаун по дороге в Чикаго.

Оставив жену в отеле, он пошел бродить по городу и в конце-концов спросил про мисс Энн Тэйлор, но ему ответили не сразу, а потом кто-то вспомнил:

— А... это прелестная учительница. Так она умерла, еще в тридцать шестом, вскоре как вы переехали.

Вышла замуж? Нет. Подумать только! Так и не вышла замуж.

Днем он отправился на кладбище и нашел ее могилу. «Энн Тэйлор, род. 1910 ск. 1936» В двадцать шесть лет, подумал он, вот теперь я старше вас на три года, мисс Тэйлор.

Когда день начал клониться к вечеру, люди увидели в городе жену Боба Сполдинга: она шла ему навстречу по аллее, обсаженной дубами и вязами, и все оборачивались, когда она проходила мимо, потому что на ее лице играли солнечные блики. Она была, как спелый персик в заснеженную зиму, как холодное молоко в горячей овсянке жарким июньским утром. Стоял один из тех редких в году дней, когда погода держится так же стойко, как последний кленовый лист на ветке, даже если на него со всех сторон с одинаковой силой дует ветер, один из тех дней, который в календаре нужно отмечать — никто бы не спорил — как День Жены Боба Сполдинга.

Рэй Брэдбери (род. в 1920 году) — известный американский писатель-фантаст. Среди его книг: «Мрачный карнавал» (1947 г.), «Марсианские хроники» (1950 г.), «451 градус по Фаренгейту» (1953 г.), «Лекарство от меланхолии» (1959 г.).

Рассказ: Перевод с английского Ольги Слободкиной-von Bromssen

© *Copyright* Слободкина Ольга (*slowboat@mail.ru*)